

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ДОМА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Воронкова Полина Евгеньевна

магистр

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Аннотация. В статье рассматривается особая позиция архетипического образа Дома во внутренней системе пространства и времени произведения М. Петросян «Дом, в котором...». В структуре образа Дома выделяется особое мироустройство и собственная культура поведения самих жителей. В ходе анализа выявлена специфическая роль архетипического образа Дома, как интегрирующего начала и мотива перехода.

Ключевые слова: Архетип, архетипический образ, культура, табу, инициация, смерть, переход, Самость, время, ритуал.

ARCHETYPIC IMAGE OF THE HOUSE IN SPACE AND TIME OF THE WORK M. PETROSYAN «THE HOUSE, IN WHICH...»

Voronkova Polina Evgenyevna

undergraduate

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Abstract. In article the special position of an archetypic image of the House in internal system of space and time of the work M. Petrosyan «The house, in which...» is considered. In structure of an image of the House the special world order and own culture of behavior of inhabitants is allocated. During the analysis, the specific role of an archetypic image of the House as the integrating beginning and motive of transition is revealed.

Keywords: Archetype, archetypic image, culture, taboo, initiation, death, transition, time, ritual.

Пространство и время представляют собой наиболее универсальные элементы картины мира в любой культуре. Они связаны меж собой и образуют «своего рода «модель мира» – ту «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [1, с. 84]. Художественное пространство романа М. Петросян «Дом, в котором...»[2] – это сложный и очень насыщенный образ мира, со своим знаковым характером пространственных образов. Само пространство произведения неоднородно и восходит к архетипическим представлениям устройства мира. Первое пространственное представление, с которым сталкивается читатель образы «своего» и «чужого» мира – «Дом» и «Наружность».

Наружность – это пространство за пределами Дома. Это город N, где и находится Дом. Это современный город, где дома похожи друг на друга от того их и называют «Расчёсками»[2, с. 7]: Зубья расчёсок острые, белы, одинаковы и тянутся вверх. Кроме «Расчёсок» в городе есть «...обнесенные заборами пустыри. Труха снесенных домов, гнездилища крыс и бродячих собак...» [2, с. 7]. Пустыри и Расчёски вполне могут представлять символы двух типов людей – современного безликого человека (Расчёски) и человека, не желавшего расставаться с прошлым, даже когда от этого самого прошлого ничего не осталось (Пустыри). Писательница творила своё произведение в период смены эпох, что отразилось в произведении буквально с первых строк. Так же «Расчёски» и «Пустыри» могут представлять символы категории времени – будущего и прошлого.

Сам дом находится на окраине города, «На нейтральной территории между двумя мирами – зубцов и пустырей...» [2, с. 7]. Месторасположение Дома уже указывает на его особое положение в пространстве. В «чужом» мире Наружности он находится на границе, подальше от центра, между настоящим временем «будущего» и символом «прошлого». Своего рода сам Дом стал определённым центром между двумя мирами

– символом настоящего, о чём свидетельствует и его цвет – Серый. «Он стар и по возрасту ближе к пустырям – захоронениям его ровесников. Он одинок – другие дома сторонятся его – и не похож на зубец, потому что не тянется вверх»[2, с. 7]. Если представить Дом, как человека, пережившего смену эпох, то это человек, который сохранил ценности прошлого, отказавшись «тянуться вверх» к благам современного человека, но в то же время не остался жить в прошлом, как многие его «ровесники». От того «новые» люди его не принимают, а ровесники сторонятся. Дом остаётся на периферии между двух миров в вечно маргинальном состоянии. В целом описание Дома всегда сопровождается наделением его свойствами живого существа, очеловечивание – «Когда-то он был белым. Теперь он серый спереди и желтый с внутренней, дворовой стороны. Он щетинится антеннами и проводами, осыпается мелом и плачет трещинами. К нему жмутся гаражи и пристройки, мусорные баки и собачьи будки. Все это со двора. Фасад гол и мрачен, каким ему и полагается быть»[2, с. 7]. Хоть речь идёт о Доме, образ с помощью стилистических приёмов персонифицируется в пожилого человека с «серой» маской для окружающих, и немного болезненным состоянием в душе и добрым сердцем, что выясняется гораздо позже. Постепенно описание Дома с каждой главой дополняется. Обычно описываются детали с внутренней стороны, со двора. Выясняется, что «...его стены украшают рисунки-бабочки, размером с небольшие самолеты, слоны со стрекозиными крыльями, глазастые цветы, мандалы и солнечные диски» [2, с. 45]. Так же во дворе растёт дуб «самое красивое дерево во дворе. И самое старое» [2, с. 587]. Дуб – символ мирового древа, что уже указывает на особое положение Дома в пространстве. Мандалы, солнечные диски – символы Самости [3], что в очередной раз даёт нам возможность предложить Дом, как «священное» неоднородное пространство, против поставящееся пространству «мирскому», однородному, ценностно нейтральному – Наружности. Как считает М. Элиаде, образ такого про-

странства характерен для первичного религиозного опыта [4]. Что даёт нам возможность для построения архетипической оппозиции «дом/вне дома», где Дом – некий Космос, а пространство вне Дома – Хаос.

Внутреннее пространство Дома так же отражает противостояние Наружности. В первую очередь это отражается в отношении учащихся к окнам - «Здесь когда-то были окна. И коридор был намного светлее. Никому и в голову бы не пришло их замуровывать, если бы не надписи. На стеклах не оставалось просветов. «Они» покрывали их надписями и уродливыми рисунками сверху донизу, а как только стекла отмывали или вставляли новые, все начиналось с начала. Ни дня эти окна не выглядели по-божески»[2, с. 291-292].

Так же наличие окон в Наружность отмечает плохое место в Доме, которое никто не любит «Обитателей Проклятой комнаты такие мелочи не волнуют. Их комната считается самой плохой из-за того, что она – единственная на всем этаже выходит окнами на улицу. В ней живут изгои. Те, кого выставили из других стай»[2, с. 129]. Мир Дома и Наружности существуют параллельно друг другу, их связывает окно. Состояние окна характеризует отношение двух миров. Таким гонениям подвергались только определённый вид окон – ведущие в Наружность. Данный мотив окна усиливает ощущение преграды и замкнутости. В отношении с Наружностью, Дом – это крайне замкнутый мир. Для воспитанников Дом – это не просто место обитания, а единственное место существования. За пределами Дома их не существует. «Они закрылись от стороны, выходящей на улицу. Другая, со стороны двора, их не беспокоила, хотя двор открывал наружность не хуже улицы. Но двор, дома, видимые со двора, пустырь и все, что к нему прилегало, они приняли и включили в свой мир. Для этого не требовалось обнести двор бетонным забором, забором стали сами дома. С другой стороны, этого не было. «Они пробуют вычеркнуть все». <...> «Все, кроме себя и своей территории. Они не желают знать ничего, кроме того, что есть Дом» [2, с. 293]. Наруж-

ность - главный страх жителей Дома, который впоследствии нормирует большинство традиций и правил.

Время внутри Дома так же течёт совершенно иначе, чем в Наружности. «Кто-то однажды заметил, что срок работы часов – любых часов – в Доме на удивление короток» [2, с. 736]. В Доме время имеет свойство замедлять свой ход, продлевая тем самым определённое сакральное время, например, Самая Длинная ночь. В определённых группах ношение часов вообще не приветствуется. Часы – напоминание о приближении неизбежного конца. А жители Дома стараются создать определённое безвременье, чтобы продлить своё существование внутри Дома. У жителей Дома не принято упоминать возраст и, возможно, нет традиции отмечать день рождения, ведь это определённо напоминает о скором уходе. Восемнадцатилетие возраст, когда разрушается их мир, время выпуска. «Мира, куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать, для них не существует. Уходя, они уничтожают его и для других» [2, с. 294].

В романе отражено три переживания эсхатологического мифа: позапрошлый выпуск, прошлый выпуск и последний год для самого Дома. Позапрошлый выпуск по-своему пытался остановить время «...двенадцать попыток самоубийств, пять из них удачные – попробовали притормозить время по-своему» [2, с. 294]. Простой выпуск закончился катастрофой – смертью воспитателя «Когда наступил их Конец Света, один воспитатель ничего не значил. Ни один, ни двое, ни трое не сумели бы их остановить» [2, с. 294]. Последний выпуск, описываемый в основной истории, прошёл тише и спокойнее других, так как «Дом прекращал своё существование» [2, с. 702].

В. Щукин в своей работе «Литература и миф» отмечал, что «Дом относится к числу основополагающих, всеобъемлющих архетипических образов, с незапамятных времён, функционировавших в человеческом сознании <...> понятие дома, связывалось так же со своим народом, стра-

ной, нравом, нравственностью, памятью и верностью заветам»[5, с. 33]. Дом, в романе М. Петросян – определённое культурное пространство. Дом обладает своей историей, своими традициями, своими правилами. Хотя Дом – это и интернат для детей инвалидов, где за порядком должны следить взрослые, на самом деле он принадлежит самим учащимся: «Дом принадлежал старшим. Дом был их домом, воспитатели присутствовали, чтобы поддерживать в нем порядок, учителя – чтобы старшим не было скучно, директор – чтобы не разбежались учителя» [2, с. 126].

Читатель знакомится с культурой Дома вместе Курильщиком – первый из основных персонажей, с которым знакомится читатель. Он довольно поздно вошёл в Дом из-за чего не понимает установившегося склада и смотрит на всё происходящее глазами жителя Наружности. Именно поэтому сложившиеся странные традиции для него «маразм», который «...придумывался несколькими поколениями не совсем здоровых людей. Следующим поколениям оставалось только все это «бережно хранить и преумножать»[2, с. 19]. Что же это за «маразм»? В Доме существуют традиции и правила, затрагивающие следующие категории жизни Дома:

- Ритуал посвящения и инициация (обретение имени);
- Табу, нормирующие отношение к Наружности;
- Традиции, нормирующие образ жизни жителей Дома;
- Табу о неразглашении существования Другого Дома.

Ритуал посвящения и инициация.

Новичок в Доме всегда событие. Чужих жители узнают буквально по запаху «Этот запах различают только дети Дома. Неуловимый запах материнского тепла, утреннего какао, школьных завтраков, может, даже собаки или велосипеда. Запах своего дома. Чем дальше в прошлом у жителя Хламовника этот запах, тем лучше он его чувствует» [2, с.138]. По факту новичка не принимают до тех пор, пока запах Наружности не выветрится, а до тех пор его гоняют, шпыняют и колотят, что так же пред-

ставляет собой первую фазу ритуала – разрыв с «материнским», разрыв с наивностью. Но даже, когда заканчивается период «избиения», новичок не может стать полноценным жителем Дома без имени. Имена Наружности принципиально исключаются из лексикона, и по возможности забываются, вместо них есть клички. Кличка – важный элемент инициации. Клички есть и у воспитателей. Все, у кого отсутствует кличка, отсутствует и в жизни самого Дома. Для жителей их просто нет, а если и есть, то сравнимы по статусу с мебелью. Кличка даётся кем-то из жителей Дома и тот, кто подарил новое имя становится для счастливчика «Крёстным». В дальнейшем кличка может измениться в соответствии с талантами, особенностями жителя. Данный процесс зовут «перекрещением».

Табу, нормирующие отношение к Наружности.

Существует ряд правил относящиеся к Наружности. И первое из них: «Следует избегать любых упоминаний наружности в разговорах...» [2, с. 330]. Ничего кроме Дома не существует. Хоть и существует традиция выезда на летние каникулы, места, куда отвозят воспитанников сами учащиеся воспринимают, как некое продолжение Дома «Вне Дома они признавали только два места отдыха. Заброшенную летом лыжную базу где-то в горах и старый санаторий на побережье. Все остальное не шло с ними ни в какое сравнение. Те два места тоже называли Домом, словно они были его продолжением, его отростками, протянувшимися в необозримую даль»[2, с. 485].

Для жителей Дома уход в Наружность приравнивается к смерти «Знаете, как здесь говорят о тех, кто ушел из Дома? Как о покойниках» [2, с. 207]. Вещи покойника разбирали или уничтожали, о нём больше не упоминали, но не вычёркивали из жизни «В каждой комнате Дома обитали свои покойники. В каждом шкафу догнивал свой неупоминаемый скелет. Когда привидениям не хватало комнат, они начинали слоняться по коридорам. Против нежеланных гостей на дверях рисовали охранные

знаки, а на шею вешали амулеты. Своих любили и задабривали, с ними советовались, пели им песни и рассказывали сказки. А они отвечали. Надписями на зеркалах мылом и зубной пастой. Рисунками на стенах фиолетовой краской. Шепотом в уши – отдельным избранным, когда те принимают душ или имеют смелость заночевать на Перекресточном диване...» [2, с.169-170]. Горе становилось основой суеверий, а суеверия перерождались в традиции.

Те, кто всё-таки выходят в Наружность и возвращаются называют «Летунами». Они уходят в Наружность и приносят в Дом то, что есть только в Наружности. Иначе говоря, Летуны приносят то, что запрещено дирекцией, но является частью жизни Домовцев. Летуны обладают особым статусом среди жителей дома. Их уважают и в то же время боятся.

Традиции, нормирующие образ жизни жителей Дома.

Внутри дома развивается своя жизнь, со своим ритмом и особенностями. И эта жизнь отражается в первую очередь на стенах – «Стены были их газетой, журналом, дорожными знаками, рекламным бюро, телеграфным центром и картинной галереей»[2, с. 297]. Изучив произведение нам удалось найти только одно табу, относящиеся к эксплуатации стен – рисовать портреты жителей Дома запрещено «...– Никогда больше не рисуй ничьих портретов на стенах, Курильщик <...> Этого делать нельзя. Хочешь, чтобы пошли слухи, что ты наводишь порчу на Стервятника?» [2, с. 859]. Так же на стенах стирались все следы умерших, но бывают и исключения. С помощью стен Домовцы не только делятся событиями, переживаниями и новостями, но также возвращают из наружности потерянных, конечно, если сам Дом позволит совершить такой ритуал. Стены дома, выполняют отчасти ту же функцию, что и стены пещер древнего человека в ритуале имитационной магии. А.П. Элкин полагает, что древний человек понимает, что собственными силами он не добивается нужного результата, а только спровоцировав природные магические силы на необходимое действие [6, с. 128-180]. Частое повторе-

ние кличек на стенах похоже способствует «вписыванию» владельца клички в сам Дом. А стирание кличек и всего что оставил бывший житель дома – ритуал освобождения духа умершего от мирских цепей. Как мы видим, представления и образ мысли Домовцем имеет архаический характер.

В Доме существуют свои Законы, большинство Законов негласные. Из произведения нам удаётся узнать, что существует Закон, защищающий преподавателей [2, с. 296], запрещающий младшим подходить к комнатам старших [2, с. 96], законы, регулирующие смену вожаков [2, с. 277], законы, регулирующие отношения с девушками. До событий, описанных в «Шакалий Восемидневник» действовал закон, запрещающий девушкам общаться с мальчиками «Мы с девушками сталкивались только в кинозале на субботних сеансах. Они сидели отдельно и в разговоры не вступали. Во дворе гуляли только по территории, примыкавшей к их крыльцу. Я не знал, кто установил такие строгие правила, но догадывался, что не дирекция. Иначе они бы нарушались. А они не нарушались» [2, с. 244], после этот закон был отменён. Отменять и назначать законы может «хозяин дома», в романе данную должность занимает Слепой «... выше которого только крыша Дома и ласточки» [2, с. 25]. Однако он сам не знает всех Законов. Так говоря о Ральфе, он бросил: ««Я знаю ваши Законы». Я сам не знаю наших законов. Я не знаю. А он знает. Надо было уточнить, что он имел в виду» [2, с. 576].

Помимо Законов, во временном культурном пространстве Дома, есть ещё особенные дни и ночи. Среди них Меняльный вторник, день Осмотра, Ночь сказок, повторяющаяся четыре раза в год, по сезонам, «А еще Ночь Монологов, Ночь Снов и Самая Длинная Ночь» [2, с. 119]. Внутри стай есть ещё свои особенные ночи, так, например, в четвёртой группе «-Ночь Большого Грохота – когда Горбач падает со своей верхотуры, – продолжал бубнить голос. – Ночь Желтой Воды, когда Лэри вспоминает детские привычки...» [2, с. 119].

День осмотра напрямую связан с местом на территории Дома, которое тесно связано со смертью и имеет статус крайне плохого места. «Могильник – это Дом в Доме. Место, живущее своей жизнью. Он на много лет моложе – когда его строили, Дом успел обветшать. О нем рассказывают самые страшные истории. Его ненавидят. У Могильника свои правила, и он заставляет им подчиняться. Он опасен и непредсказуем, он ссорит друзей и мирит врагов. Он ставит каждого на отдельную тропу: пройдя по ней, обретешь себя или потеряешь. Для некоторых это последний путь, для других – начало пути. Время здесь течет медленно». Для Домовцев это место имеет связь с Наружностью, но намного хуже последнего, так как в стенах Могильника человек перестаёт быть человеком «...пациент не может быть человеком. <...> Делаясь пациентом, человек утрачивает свое «я». Стирается личность, остается животная оболочка, смесь страха и надежды, боли и сна. Человеком там и не пахнет. Человек где-то за пределами пациента дожидается возможного воскрешения. А для духа нет страшнее, чем стать просто телом» [2, с. 208].

Жители Дома зовут лазарет Могильником из-за того, что в этом месте умирает дух. Это место пропитано страхом, в первую очередь страхом угодить в «паутину». Работники Могильника среди Домовцев зовутся Пауками, так как последние заметив хотя бы признак недуга закрывают пациента в стенах Могильника, без возможности сбежать раньше выздоровления. А в глазах Паука «... человек вроде меня устраивает только в одном состоянии: спеленутый подвешенный, опутанный трубками-проводочками. Чтобы было удобнее сосать кровь. А безрукий, бегущий на свободе – безобразие и преступление» [2, с. 202].

Табу о неразглашении существовании Другого Дома.

В. Топоров в своём исследовании «Числовой код в заговорах» утверждает, что число «три» во многих мифопоэтических традициях – основная константа вертикальной структуры мира – верхнего (Небо), среднего (Земля), нижнего (Подземное царство) [7, с. 348]. Внутреннее

пространство Дома трёхслойно – Дом, Изнанка и Лес. Второй слой Дома – Изнанка, пространство очень схожее с Наружностью, но живущее по своим особым правилам и законам. Изнанка отделена от Дома тонкой невидимой границей, которую кому-то легко пройти, а кому-то невозможно. Третий слой – Лес, сказочное место, где всё не так. Мировая мифология часто представляет лес, как пространство, как окружение подземного царства, мира мёртвых. Лес, в произведении М. Петросян, лучше всего сравнить с изображённым в кельтских мифах миром фейри, а именно со сказочным лесом фейри. Лес, как часть Изнанки, отображает то, что происходит внутри Дома, но под совершенно другим обликом. Попадая в Лес Домовец теряет человеческий облик, например, Слепой – обращается в оборотня «Слепой остановился на опушке. Огромная луна окатила его серебром. Он присел, чувствуя, как его заливает светом, как поднимается шерсть, наэлектризованная белым волшебством. Прижал уши, зажмурился и завыл» [2, с. 144-145] и видит остальных жителей Дома так же в ином облике. В лесу Фейри не живут обычные люди, это мир сказочных существ, начиная с эльфов и заканчивая Банши. В сказочный мир фейри человек может попасть по воле случая, как это произошло в Корнуольской сказке об «Эльфийском селении на Селеновом болоте», либо по воле жителя мира фейри [8]. То же свойство приобретает и Лес в романе «Дом, в котором...». Это место куда нельзя попасть без проводника или не являясь Ходоком.

Домовцев, что смогли пересечь границу между Домом и Изнанкой зовут Прыгунами и Ходоками «– Прыгуны и ходоки <...> Это те, кто бывал на изнанке Дома. Только прыгунов туда как бы забрасывает, а ходоки добираются сами. Ходоки и обратно возвращаются, когда захотят, а прыгуны не могут. Должны ждать, пока их вышвырнет» [2, с. 186]. Ещё одно главное свойство Ходоков – они могут уйти целиком и перевести в этот иной мир другого «Я мог бы перевести тебя целиком, ты знаешь. Даже Лорд мог бы это сделать. Подумай об этом» [2, с. 186]. Прыгуны

могут уйти лишь на половину, иначе говоря, их тело остаётся в реальном мире. Прыгуны и Ходоки отмечены Домом «...что означает случившееся с тобой? Что Дом взял тебя. Пустил в себя. Где бы ты ни был, ты теперь – его часть. А он не любит, когда его части разбросаны, где попало. Он притягивает их обратно» [2, с. 217].

Говорить о существовании Ходоков и Прыгунов среди Домовцев не принято «Я, например, не суеверен, но вполне может случиться, что, если я сейчас начну делиться с тобой впечатлениями, мой следующий визит «на ту сторону» закончится не очень хорошо» [2, с. 215]. Чтобы поделиться своими впечатлениями о той, другой стороне Дома существует Ночь Сказок, песни, стихи, небылицы и записи на стенах [2, с. 216]. Изолированная от мира людей Изнанка Дома, допускающая в свой мир лишь немногих, убедительно соотносится с потусторонним миром (миром мёртвых), что позволяет нам сделать вывод, что табуированное поведение жителей Дома полностью соответствует поведению архаичного человека к вопросу мира мёртвых.

Помимо представленных выше пространственно-временных и культурных характеристик в романе «Дом, в котором...» Дом обретает определённую божественную природу. Все события, происшествия воспитанники, так или иначе, связывают с волей Дома. К таким мыслям приходят даже преподаватели: «Нельзя уйти и вернуться, когда пожелаешь. Дом мог не принять его. Такое бывало с другими, он видел это не один и не два раза, и знал, что не ошибается. Его могло не принять НЕЧТО. Неопишемое словами, не поддающееся логике, НЕЧТО, бывшее самим Домом, или его духом, или сутью, он не искал слов и не думал об этом словами...» [2, с. 299]. Для Домовцев Дом – это не просто пространственная точка, малый космос, но также и пространство в душе. Это их безымянное Божество, которое «... принимает или не принимает, одаряет или грабит, подсовывает сказку или кошмар, убивает, старит, дает крылья... это могущественное и капризное божество, и, если оно чего-то

не любит, так это когда его пытаются упростить словами» [2, с. 596]. Дом не всех отпускает, истинно своих Дом отмечает Болезнью Потерявшихся – «это такая штука, которая бывает только у нас, у людей Дома. Если мы вдруг оказываемся в Наружности и теряемся там. Говорят, это такая метка, которой Дом метит своих. Тех, кому в Наружности делать нечего» [2, с. 756].

Сам по себе архетип дома является сложным пространственным архетипом, но в романе «Дом, в котором...» данный архетип не ограничивается пространственными функциями. В ходе интервьюирования мы смогли выделить следующий ряд символических ассоциаций, связанных с образом Дома (таблица 1):

В первую очередь это ассоциации, формирующие сам образ (таблица 2, категория «Визуальный образ Дома») и эмоциональное отношение респондентов к самому Дому (таблица 2, категория «Образ Дома на уровне ощущений»). Ассоциативный ряд: острый, потрёпанный, заброшенный, облупленное, битое, разбитое, раскрошенное, спёртый, грязный, разрисованное, скрипучее, закрытое, тёмное – определяет особый для данного произведения образ архетипа «Дом», как старого, разваливающегося здания. Сформировавшийся образ вызывает у читателя противоречивые чувства. Исконно дом выполняет важную символическую функцию – защитную. Стены дома вызывают положительные чувства доверия, надежды, любви и счастья. Это символ традиционных ценностей, достатка, единства семьи. Однако в ряду ассоциаций, возникших у опрашиваемых, ни единожды встречается упоминание: страх, одиночество и свобода. Данный ряд связан с «выходом» из Дома. Именно неизбежное приближение «смерти Дома» вызывает негативно окрашенные ассоциации с образом. Следуя из полученных результатов Образ Дома так же содержит в себе ассоциации, напрямую связывающие его со следующими архетипическими мотивами: Детство (таблица 2, категория «Детство в Образе Дома»), Семья (таблица 2, категория «Семья

в Образе Дома»), Болезнь (таблица 2, категория «Болезнь в Образе Дома»), Смерть (таблица 2, категория «Смерть в Образе Дома» и Путь (таблица 2, категория «Путь в Образе Дома»). В сумме все представленные ассоциации подтверждают особенное расположение Дома в Пространстве отношения. Дом – это не просто старое здание, а символ определённого времени. Его старость – это знак приближения к статусу «прошлого». В ассоциациях, опрашиваемых проявляются категории времени и в основе они связаны именно с прошлым (таблица 2 категория «Время в Образе Дома»). Таким образом, Дом – это символ уходящего в прошлое Детства. Описываемые в произведении события отражают болезненное переживание ритуала инициации, перехода во взрослую жизнь, смерти ребёнка и его Иного мира. В будущем, в нашей работе, представленную сумму мотивов мы будем называть – Мотив Инициации (Перехода).

Определение Дома, как Иного мира, так же находит своё подтверждение в возникших у респондентов ассоциаций (таблица 2, категория «Образ Дома, как иного пространства»). Однако Дом не просто «Врата в другой мир» – это живое существо, нет, скорее неизвестное, безымянное божество, принявшее облик Дома. Как уже было нами отмечено, что автор наполняет Дом некой человечностью, данное утверждение было подтверждено в ходе анализа результатов интервью (таблица 2, Категория «Образ Дома, как живого существа»). Дом соединяет в себе несколько пространств: Наружность, Изнанка, Лес, что соответствует архетипу единства и целостности, который Юнг обозначил как Самость[3].

Опираясь на выше перечисленное, мы можем определить Образ Дома, как сложный архетипический образ, выполняющий в произведении функции: пространственного архетипа, интегрирующего начала (Самость) и мотива Инициации (перехода).

Ассоциации и символы к образу Дом

№ (К)	Символы
1	Омут, пристанище, врата в другой мир, острый угол, свобода, жуткая сказка, что-то неземное, головоломка, последний рубеж детства
2	Взрослые дети, мир под крышей, время здесь остановилось, Дом – это закон, Своя реальность, Безграничные возможности ограниченных, Атмосфера, Глубина, Другие
3	Дети, обман, мнимая защита, страх, счастье, детство, небытие, невозможная сказка, реальность многих детей, тишина
4	Связка ключей, россыпь монеток, одуванчики, пыльная дорога, спираль, потрёпанный цирк, заброшенный пионерский лагерь, книги Крапивина, Рукопись
5	Красные кеды, часы, зеркала, молочные зубы, Прыгун, Лунная дорога, стена, дракон, страх, сказка, странная красота
6	Паутина, шестерёнки, красные кроссовки, ошейник, пальцы пауки(Слепой), кованный ажурный забор, мемориальная табличка, надписи на стенах, фейерверк, серость,
7	Дом
8	Стена, рисунок, растение, амулет, кофе, инвалидная коляска, флейта, красные кроссовки, краска, растение, земля
9	Одинокий, страшный, покинутый всеми, любимый
10	Муравейник, взрослые дети, омут, Отдельная Вселенная, распутье, прошлое не отпускает, никому не нужны, дом примет всех, на краю мира, «неприметный снаружи, но притягательный внутри», в омут с головой
12	Зачёркнутая инвалидная коляска, забор, дверь, замок, цепь
13	Рисунки и надписи на стенах, Имена-клички, Чернолес, Лес, Наружность, Вожаки и стаи, Самая Длинная ночь, Ночь Сказок, Тайны, Выпуск
14	Ночь, лес, 100 замков, перо цапли
15	Красные кроссовки, часы, инвалидная коляска, белый и красный дракон, чайка
18	Штукатурка, битое стекло, раскрошенные плитки, трещины, спёртый воздух, сны, стая, тайна, тишина, общество
19	Сами герои
20	Ацтекские божества, лунная дорога, интернат, мифы, сказки, загадки, четырёхмерное пространство, одновременно холод и тепло, алхимические жидкости, уникальность, подтекст

21	Множество весёлых бессонных ночей, новых друзей
22	Вязанный шарф, Дерево без листьев, Таблетки разных цветов и форм, Марлевые повязки, Длинные распущенные волосы, Красивые леса и лесные тропинки, Разрисованные стены и Зброшки. Запах только что покрашенных стен. Запах книг, Поезда, уходящие вдаль, Стая журавлей, улетающие в никуда, Звёздная ночь
23	Дом – описанный в 1 главе
24	Семья, уют, тепло
25	Облупленная штукатурка, грязные стены, надписи, полумрак, закрытость, параллельный мир, болезнь, смерть, шум, тишина.
26	Зеркало, старый сундук, колодец, дверь, чердак, перо (для письма), фотоальбом, чай, рунный набор. дневник Тома Реддла (в котором пишешь, а он пожирает твои записи и отвечает)
27	Зеркало, Кладбище, Маски из папье-маше, озеро, ключи, хоровод, Страх, слабость, зов, молчание,
28	Часы, свеча, разрисованные стены, скрипучие половицы, запах леса, бумажный кораблик, цветные фенечки, перо, шестеренки, костяная рыбка.
29	Лес, инвалидные коляски, коты, исписанные стены, кровь, сигареты, алкоголь и наркотики
30	Коляска, ключи, окно, глаза, разбитое зеркало, книги, кошка, птица, дракон, бесконечность
31	Тайна, время, поиск, история, хлам, сумасшествие, бесконечность, верность, жизнь, свобода.
32	Надписи, закрытые двери, Смысл бытия, бесконечные смерти, постоянные возрождения, уютная пустота, привычная тьма, голоса стен, законы жизни
33	Стены с надписями, тёмные коридоры, табачный дым, таинственность, обречённость, другая реальность, особые правила, опека, покровительство, истории, чётки
34	Сфинкс
35	Гитара, уголь(художественный), штукатурка, диалоги на стенах, зубы Василиска, сигареты, кассеты, Лес, крыши, лунная дорога, ночные разговоры.
37	Загадка, разложение личности, психушка, полное погружение, одиночество, смерть, смерть в жизни, разговоры по ночам, прокуранный легкие и тяжёлый кашель, следы от драк, память об ушедшим, следы от колёс кресел, алкоголь.

38	Часы, шестерёнки, песочные часы, Однажды, шестеренки перестали крутиться, стрелки остановились, а песчинки рассыпались в Наружности
39	Твой мир, ключ в детство, познание себя, любовь, взросление, цена взросления, детская мудрость, переплетение миров, жизнь в полной мере, человечность
40	Дом, белая ворона, вожак, Надежда, пристанище, личность, спасение, смерть, противостояние, реальность
41	Рисунки на стенах, кофе, сигареты, дым, ловцы снов, инвалидные коляски, лес, дорога, Разноцветные нити, сказки
42	Паутина, Живое существо, языческое божество, загадка, привидения, скелеты в шкафах, сверхъестественное, осень, разруха, уход
43	Мистика, скелеты в шкафах, страх, дружба, незабываемая атмосфера, рисунки, надписи, хаос, запах кофе, душа
44	Отчужденность, животное начало, настоящая дружба, болезненное взросление, одиночество, юношеская романтика, преодоление, мир иллюзий, забвение
45	Мир, внимательно слушай, поймёшь, ответ, загадка, раздвигай границы, намёк, тайна, по кругу, новая история, развитие, стены
46	Дом как свет, тепло, поддержка, Дом как закон, правила, наказание

Таблица 2

Символы и ассоциации к образу Дом в Категориях

<i>Категория</i>	<i>Символы и ассоциации</i>
Визуальный образ Дома	Острый угол, мир под крышей, потрепанный цирк, заброшенный пионерский лагерь, Стена, Дом, забор, дверь, замок, цепи, облупленная штукатурка, битое стекло, раскрошенные плитки, трещины, спёртый воздух, интернат, разрисованные, грязные стены, чердак, скрипучие половицы, окно, разбитое зеркало, закрытые двери, тёмные коридоры, голоса стен
Образ Дома на уровне ощущений	Свобода, обман, мнимая защита, страх, счастье, странная красота, одиночество, любовь, уникальность, слабость, сумасшествие, обречённость, разложение личности, познание себя, противостояние, надежда, дружба, отчуждённость, юношеская романтика, развитие, закрытость

Образ Дома, как живого существа	Дом – закон, правила, наказание, Дом примет всех, Дом – живое существо, душа, животное начало, человечность, языческое божество
Образ Дома, как иного пространства	Врата в другой мир, Что-то неземное, жуткая сказка, своя реальность, другие, невозможная скака, отдельная Вселенная, сны, мифы, загадки (головоломки), четырёхмерное пространство, параллельный мир, бесконечность, тайна, твой мир, переплетение миров, мир иллюзий, мир, Лес, Изнанка
Время в Образе Дома	Время здесь остановилось, Часы, шестерёнки, прошлое не отпускает, История, память об ушедших, история, песочные часы, взросление, цена взросления, болезненное взросление, новая история
Детство в Образе Дома	Последний рубеж детства, взрослые дети, дети, детство, реальность многих детей, молочные зубы, рисунок, ключи в детство, детская мудрость
Семья в Образе Дома	Семья, опека, покровительство, любовь, поддержка, стая, вожак, муравейник
Болезнь в Образе Дома	Алхимические жидкости, таблетки разных форм и размеров, марлевые повязки, болезнь, сигареты, наркотики, алкоголь, прокуренные лёгкие, тяжелый кашель, следы от драк
Смерть в Образе Дома	Смерть, кладбище, кованный ажурный забор, мемориальная доска, кровь, бесконечные смерти, постоянные возрождения, законы жизни, смерть в жизни, скелеты в шкафах, приведения, Ацтекские божества, Наружность, Самая Длинная ночь, Выпуск, Омут, Глубина, Небытие, Колодец, Озеро, Уютная пустота, полное погружение, забвение, дерево без листьев, на краю мира

Символы персонажей в Образе Дома	<p>Россыпь монеток, амулет, рунный набор, маски из папье маше, чётки, ловец снов, разноцветные нити, перо цапли, цветные фенечки, хлам, инвалидная коляска (следы от колёс) – Шакал Табаки; Одуванчик, зеркала, бумажный кораблик, кот (коты, кошки) – Сфинкс; Спираль, пальцы пауки – Слепой; Прыгун, Лунная дорога, Белый дракон, Зубы Василиска – Лорд; Ключи (связка ключей), Прыгун, Растение, Птица – Стервятник; Красный Дракон, цепи – Македонский; Флейта – Горбач; Чайка – Рыжая; Свеча – Ральф; Костяная рыбка – Русалка; Гитара – Волк; Белая ворона, Красные кроссовки (кеды) – Курильщик; Ошейник – Чёрный.</p>
Путь в Образе Дома	Пыльная дорога; поиск; поезда, уходящие вдаль; стая журавлей, улетающая в никуда; распутье;

Список использованных источников

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир // Гуревич А.Я. Избранные труды: в 2 т. СПб.: Университетская книга, 1999. 560 с.
2. Петросян М. Дом, в котором... М.: Гаятри/Livebook, 2009. 960 с.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Канон, 1991. 334 с.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы повторения. М.: Высш. шк., 1995. 325 с.
5. Щукин В. Литература и миф. М, 1994.
6. Элкин А.П. Австралийские аборигены // Магический кристалл. Магия глазами учёных и чародеев / сост. И.Т. Касавин. М.: Республика, 1992. С. 128-180.
7. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-культура, 1995. 288 с.
8. Бриггс К.М. Эльфы в традиции и литературе / пер. С.М. Печкин. 1998-2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pechkin.rinet.ru/x/smp/xlat/Briggs_KM/FITAL/kmb_fital_1_02.html